

УДК 94(470):332.1+(47)Крым «1859/1861»

**ПОСТОЯЛЫЕ ДВОРЫ И ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН: МЕСТНЫЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ
ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ И НОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
О ТРАКТИРНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ (1859–1860)**

Марциновский П. Н.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация*

E-mail: pnmarz@mail.ru

Статья посвящена анализу суждений и предложений городских отделений полиции, земских судов, местных органов власти Таврической губернии в связи с необходимостью принятия нового Положения о трактирных заведениях, постоялых дворах и съестных лавочках в городских поселениях. Высказанные соображения отражают широкий спектр местных представлений о социально-экономических, административных, национальных, сословных, технических, гигиенических и правовых условиях функционирования постоялых дворов на полуострове, говорят об общей деловой атмосфере. Сделан вывод о том, что принятое в итоге Положение, несмотря на преобладающую готовность местных органов власти к жесткому регулированию указанной деятельности, было достаточно либеральным и открывало широкие возможности для развития сети постоялых дворов.

Ключевые слова: Крым, постоялый двор, содержатель, полиция, суд.

Начало 60-х гг. XIX века в России, безусловно, время перемен. В еще большей степени это относится к Крыму, не только пострадавшему от Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг., но и раскрывавшему, пусть постепенно, новые возможности хозяйственного развития, связанные с географическими, климатическими и иными особенностями, позволявшими привлекать гостей полуострова не только с деловыми целями, но и с курортными. Принятие новых законодательных актов, связанных с обслуживанием путешественников, становится важным этапом в процессе развития этой отрасли хозяйства.

Тем не менее проблемы истории гостеприимства и соответствующих заведений остаются недостаточно изученными как на региональном уровне, так и на общегосударственном, несмотря на довольно большое количество работ, посвященных истории купечества, торговли и даже гостиничного дела, в которых постоялые дворы упоминаются чаще всего в контексте истории трактирных заведений, но специально не исследуются. Среди таких работ статья Е. Д. Серовой [6], едва ли не единственная, посвященная истории трактирного промысла в Крыму, где в том числе рассматриваются отдельные аспекты истории внутренней торговли, связанные с постоялыми дворами. Упоминается Крым также в работе А. К. Баньковской и Т. В. Малик [3], которая посвящена интерьерам и планировкам заведений гостеприимства. Среди диссертационных исследований существенное значение имеют работы В. А. Чернова [7] и С. О. Дегтярева [5], глубоко и обстоятельно рассматривающие историю гостиничного дела, что не может не быть важным и полезным, несмотря на то, что указанные работы

посвящены совсем не Крыму. В. А. Чернову также принадлежат и две монографии [8], посвященные истории гостиничной отрасли. Нельзя не упомянуть и монографию В. П. Бойко [4], в которой постоялые дворы представлены важной и неотъемлемой частью социальной и ментальной жизни западносибирского купечества.

Одной из причин недостаточной изученности проблемы, на наш взгляд, является высокая трудоемкость работы с источниками, связанными с историко-экономической проблематикой, отсутствие достаточной информации, пригодной для систематизации на протяжении более или менее длительных периодов, ее отрывочность и рассредоточенность по значительному количеству архивных фондов, в связи с чем настоящей удачей становится выявление целостного массива документов, позволяющих изучить, по крайней мере, отдельные сюжеты в истории развития той или иной составляющей хозяйственного комплекса, с чем в данном случае мы и имеем дело. История этой важной отрасли хозяйства в Крыму еще ждет своего исследователя, однако представляется важным не только то, как именно работали заведения, принимавшие гостей на постоя, но и то, как они, по мнению местных властей и чиновников, должны были осуществлять свою деятельность.

Целью статьи являются представление и анализ различных точек зрения и соображений, представленных по запросу Таврического губернатора, от местных отделений полиции, земских судов и местных органов власти о различных аспектах функционирования постоялых дворов для соответствующего доклада Министерству внутренних дел в связи с необходимостью принятия нового Положения о трактирных заведениях, постоялых дворах и съестных лавочках в городских поселениях.

В конце ноября 1859 г. в Таврическую губернию поступил циркуляр из хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, в котором говорилось о том, что в приложении к 31 ст. Устава Городского хозяйства XII т. Ч. II Свода Законов (Издание 1857 г.) помещен Свод постановлений о трактирных заведениях в городах и селениях. А вот о постоялых дворах и корчмах, заменяющих в городах для простого народа, а по проезжим трактам для всех, упомянутые трактирные заведения, в действующих узаконениях почти ничего не сказано [1, л. 1]. В этой связи Таврическому губернатору предлагалось изложить свои соображения по следующим вопросам: следует ли разрешать содержание постоялых дворов и корчем лицам всех званий, или же нужны ограничения; если нужны, то какие и почему; каким должен быть порядок, с соблюдением каких формальностей могут быть открыты такие заведения по городам и уездам; нужно ли определять (и каким образом) предметы, разрешенные к продаже на постоялых дворах и в корчмах; следует ли публиковать таксы на предметы, разрешенные на постоялых дворах и в корчмах; если да, то на какие именно, в каком порядке; может ли быть допущена (и на каких условиях) продажа на постоялых дворах хлебного вина и табака; каким сборам и повинностям должны подлежать постоялые дворы и корчмы в городах и уездах независимо от окладов по званию их содержателей; какие обязанности должны быть возложены на содержателей постоялых дворов и корчем по отношению к приезжающим и приходящим посетителям и их имуществу; какую

ответственность несут держатели за неисполнение этих обязанностей; какой необходимо установить порядок надзора за постоянными дворами и корчмами в городах и уездах, какую ответственность должны нести учреждения и лица, на которые возложен такой надзор; какие следует установить взыскания и штрафы за нарушение держателями постоянных дворов и корчем установленных для них правил; какой порядок должен быть соблюден при передаче и наследовании постоянных дворов и корчем.

Циркуляр, распространенный по Высочайшему указу, был заслушан на заседании Таврического губернского правления, после чего соответствующие распоряжения были разосланы всем городским отделениям полиции, земским судам и Старокрымской городской ратуше с тем, чтобы не позднее 19 марта 1860 г. получить подробные соображения с мест.

В Российской империи наступало время грандиозных реформ, и Таврический губернатор Г. В. Жуковский принимал в их подготовке активное участие, в том числе в 1859 г. в рамках комиссии МВД по преобразованию уездных учреждений. Запрос на места о том, по каким правилам должны работать постоянные дворы и корчмы, не был простой формальностью. Чиновники на местах часто не ограничивались собственным представлением о предмете, а проводили опросы среди «общества», людей сведущих и заинтересованных. Обсудить было что. Больше всего постоянных дворов на полуострове находились в г. Карасубазаре – 44, Феодосийском уезде – 42, г. Симферополе – 34, г. Бахчисарае – 18 и г. Феодосии – 17. Затем по количеству следовали г. Перекоп – 14., Ялтинский уезд – 3, г. Ялта – 2 и г. Старый Крым, в котором имелось два небольших постоянных двора. На материковой части Таврической губернии имелось в Бердянском уезде 12 постоянных дворов, г. Орехове – 4, г. Алешки и г. Ногайск – по 3 [1, л. 5–74]. Корчмы были менее распространены. В Таврической губернии 14 корчем имелось только в Евпаторийском уезде. И это все.

Впрочем, обычная в таких случаях терминологическая путаница не позволяла достаточно точно классифицировать подобные заведения. Так, в г. Феодосии имелось 7 питейных домов и две штофные лавочки, которые содержались по общим правилам для казенных откупов. Вольных же корчем не было. В Ялтинском уезде во многих местах продавалось виноградное вино, эти заведения можно было сравнить с корчмами. Имелись также кофейни, которые для местных жителей служили и своего рода постоянными дворами [1, л. 42–50]. В Бердянском уезде упоминался только один большой шинок, известный среди простого народа как Петровский трактир, находившийся на земле селения Обиточного помещицы графини Толстой при почтовой дороге из Бердянска в Мелитополь. Там продавали только хлебное вино.

Результатом такого «опроса общественного мнения» стали рапорты от имени местной полиции, земских судов, городских властей, в которых высказывались мнения и соображения относительно содержания в губернии постоянных дворов.

На первый вопрос о том, следует ли разрешать содержание постоянных дворов и корчем лицам всех званий, или же нужны ограничения, все сошлись во мнении, что допускать нужно лицам всех званий, однако если евпаторийский и ялтинский

земские суды предлагали это делать без ограничений, то феодосийский земский суд посчитал, что эти люди должны иметь хорошее поведение и письменные виды на свободное проживание, которые должны быть предъявлены Суду или станovým приставам. Бердянский земский суд полагал уместным условием предоставления от своего начальства аттестата о беспорочном поведении и исправном платеже податей и повинностей, как это требуется по закону от лиц, открывающих заведения в столицах и прочих городах [1, л. 42–85].

Главную роль репутации как критерию, определяющему возможность содержать постоялый двор, отводила полиция городов Ялты, Орехова и Перекопа, исключавшая опороченных судом людей, считавшая необходимым предоставление удостоверения от местного начальства в Городскую думу в том, что желающий содержать постоялый двор хорошего поведения под судом не состоял, не состоит, не является неблагонамеренным. Бахчисарайская же полиция считала, что нельзя разрешать содержание постоялого двора тем, кто замечен не менее трех раз в недобросовестном выполнении своих обязанностей по содержанию таких заведений. Полиция г. Феодосии предлагала ограничить в таком праве чарочных откупщиков там, где они имеют откуп, чтобы предупредить «поселение на постоянных дворах пьянства и вредное влияние на нравственность и материальное положение приезжающих» [1, л. 12–74].

Экономическую составляющую ставили во главу угла власти г. Карасубазара, Старокрымская городская ратуша, симферопольская городская полиция, предлагавшие разрешать содержание постоянных дворов только торговому классу или имеющим право вступать в гильдии. В том же духе высказалась и полиция г. Евпатории, считавшая, что: купцам всех трех гильдий можно разрешить содержание постоянных дворов без особого ручательства, «мещанам и государственным крестьянам с предоставлением в полицию свидетельств от их обществ о благонадежности и состоянии, позволяющем компенсировать ущерб приезжему, поскольку нередко случается, что за пропажи на постоянных дворах никто ответственности не несет, поскольку содержатели оказываются несостоятельными. На том же основании могут открывать эти заведения и помещицы крестьяне с ручательством самого помещика или других благонадежных лиц» [1, л. 8–80].

Особые дискриминационные мнения принадлежали полиции г. Алешки и г. Бердянска. Первая считала, что иногородние лица должны заручиться удостоверением благонадежности от имени двух-трех поручителей, чья благонадежность, в свою очередь, должна быть заверена Думой или местной полицией, поскольку это необходимо для гарантирования кредитов от местных жителей. Вторая же, ссылаясь на «общий отзыв простолюдинов», предлагала «евреям не отдавать преимущества». Из сословий же русских можно позволять каждому, если поведение и состояние такого желающего известно обществу и полиции. Впрочем, бердянская полиция считала, что поскольку приезжих в г. Бердянске мало, то больше двух дворов не требуется, поэтому достаточно один отдать еврею, а другой – русскому [1, л. 5–78].

Второй вопрос касался процедуры и формальностей, необходимых для открытия постоянных дворов в городах и деревнях. По мнению евпаторийского земского суда, порядок открытия должен быть предельно простым. Желательно, чтобы местное начальство сразу же разрешало открытие заведений, чтобы «прекратились бы долговременные хождения об этом просителей, особенно деревенских обывателей по уездным и губернским присутственным местам». Бахчисарайская полиция вообще утверждала, что нет необходимости в каких-либо формальностях и в разрешении начальства. Достаточно просто объявлением известить полицию и Думу (если заведения открываются в городе) для регистрации и обложения некоторым окладом в пользу города. Феодосийский земский суд предлагал унифицировать правила для любых населенных пунктов, а симферопольская полиция предлагала сделать едиными правила с трактирными заведениями. Старокрымская городская ратуша считала, что дозволение начальства все-таки нужно. Но большая часть корреспондентов обращала, прежде всего, внимание на репутационную составляющую [1, л. 39–85]. Самыми важными (с торгами или без торгов, на гербовой бумаге за 15 или за 90 копеек, засвидетельствованные «обществом», начальством, полицией или судом) предполагались беспорочное поведение, добросовестность, а главное – благонадежность.

Ялтинский земский суд полагал также удостовериться в достаточности средств, а полиция г. Алешки предлагала подтверждать благонадежность ежегодно, причем как содержателей, так и их поручителей, и собирать плату в 6 рублей серебром в год с выдачей Свидетельства на право открыть заведение. В полиции г. Бердянска считали, что «лучше доверить заведение человеку менее достаточно, но известному и пользующемуся общим хорошим отзывом» [1, л. 5–78].

Предложение бердянского земского суда, будь оно принято, сделало бы открытие постоянных дворов почти невозможным или по меньшей мере создавало благодатную почву для злоупотреблений. Желаящий должен был подать прошение местному окружному начальнику, который решал, есть ли необходимость в постоялом дворе или корчме, руководствуясь соответствующими статьями Устава о благоустройстве в казенных селениях и мирским приговором от общества, подписанным всеми домохозяевами или, по крайней мере, двумя третями из их числа. Затем нужно было заключить договор с просителем по надлежащей проверке собранных сведений, предоставить приговор на утверждение Палаты государственных имуществ, которая должна выдать просителю свидетельство на открытие постоянного двора или корчмы и проинформировать об этом подведомственное управление и земскую полицию уезда. Открытие постоянных дворов на землях немецких колонистов должно производиться таким же порядком через окружного смотрителя колоний и Попечительный комитет. Об открытии таких заведений на землях помещиков владельцы должны обращаться в земские суды, которые, предоставив нужные сведения, ходатайствовали бы в Казенной палате о выдаче свидетельства на право содержания заведений [1, л. 53–56].

Наиболее детальным оказалось предложение феодосийской полиции, по мнению которой для открытия постоянного двора необходимо было соблюсти целый ряд условий [1, л. 19–38].

Прежде всего, постоянный двор должен иметь как минимум две общие обширные комнаты, столовую и гостиную, а также отдельную комнату для проезжих женщин и малолетних детей и особый буфет. Эти комнаты должны быть достаточно меблированы. В гостиной, предназначавшейся для отдыха и ночлега лиц мужского пола, кровати следует заменить обширными полатами, помещающими по 20 и более человек, которые были бы всегда выстланы свежим сеном или соломой и покрыты войлоком или попонами.

Женщинам и малолетним детям ночлег должен быть устроен в особо предназначенной для них комнате, где кроме другой необходимой мебели должно находиться достаточное число кроватей с обыкновенной постелью. Днем же как женщинам, так и детям вход в общую столовую и за общий стол не воспрещается. Буфет предназначен для хранения столовой посуды, съестных припасов и напитков, разрешенных к продаже. В нем должен находиться сам хозяин и его комнатная прислуга. Двор должен быть обширным и обнесены высокой каменной или кирпичной стеной, в крайнем случае – прочным дощатым забором с обширными прочными воротами с калиткой. Внутри двора, если нет особых подкатных сараев и конюшен, должен быть навес, помещающий, по крайней мере, 20 лошадей и в ненастное время такое же число повозок. Крыша конюшен, сараев и навеса должна быть прочна и водостойка.

Комнат и служб может быть больше. Главное, чтобы везде была необходимая мебель со всеми принадлежностями для удобного размещения проживающих. Все комнаты, двор и конюшни с сараями или навесами должны быть просты и содержаться в надлежащей чистоте и опрятности. Гостиные и другие покои, определяемые для приезжающих, в зимнее время должны надлежащим образом отапливаться. Покои и службы, занимаемые самим содержателем, в расчет не принимаются.

Содержатель постоянного двора и его прислуга должны строго наблюдать, чтобы печные трубы были своевременно очищены; чтобы в выносимой на двор золе из печей не было скрытого огня, чтобы в кухнях и во всех комнатах вблизи печей или на печах, на чердаках под крышами не находились горючие материалы; чтобы в конюшнях, сеновалах, на чердаках и в кладовках никто из домашних содержателя и проезжающих не курил табак и не ходил с зажженной лучиной или свечой без фонаря или с фонарем бумажным, испорченным. Прислуга должна состоять из людей расторопных и благонадежных. Следовало также, по мнению феодосийской полиции, запретить всякого рода игры, музыку, пение, пляски и все, что только может нарушать спокойствие и благосостояние проезжающих.

На постоянных дворах должны были быть соответствующие вывески. Если дом наемный, то содержатели обязывались иметь контракты, заключенные в установленном порядке. Открытие постоянного двора обуславливалось целой бюрократической процедурой с участием городской думы и полиции, на основании

отдельных статей, разбросанных по целому ряду законодательных актов, имевших опосредованное отношение к предмету.

Постоялых дворов можно было содержать сколько угодно, и владельцы порой так и делали, создавая прообраз современных отелей сетей. Даже в домах священнослужителей размещать постоялые дворы не запрещалось.

Конечно, важнейшей функцией содержателя и его прислуги был надзор за прибывшими на постой или постоянное жительство и всеми отъезжающими. Об этом нужно было сообщать полиции. Если же в числе проезжающих будет замечено лицо подозрительное, то кроме немедленного объявления полиции и представления ей фактов или документов, изобличающих это лицо в неблагонадежности или злом умысле, они обязаны были до прибытия полиции содержать подозрительное лицо под строгим присмотром. Содержателю и его домашним это вменялось в строгую обязанность.

По ассортименту товаров, разрешенных к продаже на постоялых дворах, особое «рыночное» мнение принадлежало евпаторийскому земскому суду [1, л. 85], который, конечно, в связи с тем, что только в евпаторийском уезде имелись корчмы, считал, что товары, имеющиеся в продаже на постоялых дворах и корчмах, ни в коем случае не должны совпадать по ассортименту, дабы корчмари и содержатели постоялых дворов не подрывали торговлю друг другу.

По мнению полиции г. Феодосии, содержатель постоялого двора обязан иметь всегда в достаточном количестве сено, овес, печеный хлеб, воду для питья, деготь и сало для смазки колес, а также иметь запас для продажи проезжающим готовых колес, осей, подосков и веревок. В продаже могут быть закуски: простая икра, копченая и соленая рыба, соленые огурцы и капуста, местные овощи, яблоки, груши, сливы, вишни и т. п. Из жареной и вареной пищи – все то, что нужно простым людям. Из напитков стоит разрешить продажу пива и полпива, приобретенных у местного откупщика, чай, сбитень, кислые щи, обыкновенный квас и бузу. Содержатель обязан для приготовления вареной и жареной пищи и выпечки хлеба иметь особую кухню с очагом и варочной печью, а за право всего разрешаемого к продаже обязан платить акциз в пользу города. Запрещено к продаже на постоялых дворах должно быть все то, что составляет излишнюю роскошь, несвойственную для людей простого класса: индюшек, цыплят, каплунов и пулярок, стерляди, осетрины и белужины, иностранных напитков, оршада и лимонада. Съестные продукты должны быть свежие и здоровые [1, л. 19–68].

В г. Карасубазаре возникла идея разделить постоялые дворы на две категории. К первой отнести те, которые предоставляют питание, чай, кофе, курительный табак, вино и водки российского производства с принадлежащими к ним традиционными крымскими кофейнями. Ко второй отнести постоялые дворы, в которых разрешена только продажа фуража. Открытие корчем вообще следует запретить.

Ялтинский земский суд и городская полиция обращали внимание на то, что продаже следует производить мерой или весом, определенными по закону, определенными порциями и с хорошим качеством. В г. Симферополе считали, что в городах на постоялых дворах можно продавать только фураж, а бахчисарайская

полиция вообще полагала, что предметы, разрешенные к продаже, должны быть ограничены предметами первой необходимости: съестными припасами, фуражом для лошадей, дегтем, салом и проч. [1, л. 42–80].

Проблема ценообразования, которой был посвящен четвертый вопрос, вызвала прямо противоположные мнения. Большинство сошлось во мнении, что таксы, устанавливаемые городскими думами, необходимы с тем, чтобы предотвратить произвольное повышение цен, однако было непонятно, всех ли товаров это должно касаться.

Однако так думали не все. Полиция г. Феодосии считала, что на предметы, разрешенные к продаже на постоянных дворах, издавать таксы не имеет смысла. Однако для поддержания конкуренции и сдерживания цен необходимо обязать содержателей под наблюдением местной полиции ежемесячно составлять таблицы с ценами. Полиция же, в свою очередь, осуществляя контроль, должна принимать во внимание время года и цены, существующие на рынке. Эти таблицы должны вывешиваться в столовой комнате постоянного двора. Впрочем, цены могут быть и ниже по договоренности содержателя и приезжего. А вот требовать заплатить больше содержатель права не имеет. По мнению Старокрымской городской ратуши, необходимо установить таксы на сено, овес, ячмень и хлеб, а за ночлег с проезжающих пешеходов – по 3 коп., с лошади или рогатого скота – не более 5 коп. Ялтинский земский суд считал необходимым установить титу, назначаемую уездным присутствием по третям года, которую следует вывешивать на постоянных дворах. Городская полиция Ялты предлагала в каждом постоянном дворе прибавить на видном месте таксу на фураж. Прочие же предметы продажи таксой не ограничивать, а предоставить содержателю продажу по вольным ценам. По мнению симферопольской городской полиции, таксу необходимо издавать только для постоянных дворов в селениях и на трактах: за постоя, фураж и хлеб как на предметы самые необходимые, за которые содержатели иногда берут слишком высокую плату [1, л. 19–64].

По мнению бахчисарайской полиции, во избежание конфликтов необходимо назначить таксу на товары и услуги первой необходимости: за номер в летнее и зимнее время в сутки, обед и ужин по порциям, на пуд сена, на меру овса, фунт сала и деготь. Таксы должны быть издаваемы в городах Думой совместно с полицией ежемесячно. По уездам таксы должны быть разосланы земскими судами через станковых приставов с обязанностью вручить их содержателям корчем, отбирая старые и возвращая их в суд. Таксы должны обновляться один раз в 2–3 месяца. В городской полиции г. Перекопа считали, что таксы на продажу съестных припасов на постоянных дворах не нужны, потому что там останавливаются в основном люди простого звания, которые с хозяевами договариваются не о порции, а об обеде, приготовленном из двух или трех блюд на всю артель, это гораздо дешевле для проезжих, особенно извозчиков [1, л. 57–74].

На вопрос о возможности продажи на постоянных дворах хлебного вина и табака ответ чаще всего был негативным. Первое если и допускалось, то увязывалось с согласием откупщика или конторы питейного откупа (без права на вынос, в основном за пределами городов), но в большинстве отзывов говорили о том, что

продажа хлебного вина на постоянных дворах может привести к беспорядкам между фурщиками и неприятностям для приезжающих, их разорению, будет способствовать воровству, что для этого нужно выделять отдельное помещение, не допуская при этом пьянства, гулянья, песен и плясок. Продажу и курение табака предлагалось запретить по соображениям пожарной безопасности, тем более что табак не составляет предмет первой необходимости. Если же разрешать, то исключительно табак, приобретенный на фабрике и запечатанный бандеролью [1, л. 5–68].

Дополнительных сборов и повинностей, особых для постоянных дворов, почти никто не предлагал, ссылаясь на низкую доходность этих заведений и необходимость поощрения предприятий. Решение по этому поводу предлагалось принимать городским думами, ратушам или «обществу» с утверждением губернским начальством. И только феодосийский земский суд предлагал обложить постоянные дворы половиной оклада корчем, учрежденных в помещичьих имениях, ялтинский земский суд – взимать по 5 рублей в год серебром, полиция г. Перекопа – за право открытия постоянного двора вместо существующей платы в пользу города 5 рублей взыскивать по 10 рублей серебром [1, л. 42–74].

Обязанности, которые предполагалось возложить на содержателей корчем и постоянных дворов и за исполнение которых они должны были нести ответственность, охватывали качество предоставляемых услуг, наличие необходимых ресурсов, поддержание тишины и порядка, обеспечение сохранности имущества постояльцев и паспортного контроля.

Прежде всего, содержатели постоянных дворов не должны отказывать никому в размещении, предоставлении еды, питья, корма для скота и всего, что есть в заведении ни днем, ни ночью, даже тогда, когда постояльцев слишком много. Приезжающие, в свою очередь, могут любыми способами будить спящего содержателя или его прислугу – стучать в окна и двери постоянного двора, кричать под окнами и т. п., но только в том случае, если они действительно нуждаются в приюте или пище. В противном случае причиненный вред и беспокойство должны быть возмещены вплоть до уголовной ответственности.

Сам содержатель должен быть человеком скромным, не допускать по отношению ко всем без исключения постояльцам дерзостей, возражений, оскорблений, обходиться с каждым прилично, благопристойно, вежливо, миролюбиво и предупредительно, оказывать по возможности каждому свои услуги, особенно людям высшего класса, иметь прислугу для обслуживания приезжих и приготовления пищи, дворников (расторопных, с хорошей нравственностью, ни в чем дурном не замеченных), содержать комнаты в чистоте и опрятности, достаточно меблированными, с приличными постелями, не отказывать и не медлить в отпуске приезжим пищи, питья, фуража и всего находящегося в заведении.

Постоялый двор должен иметь для приезжих гостей не менее трех отделений покоев для женщин, купцов или людей иных сословий, для которых находиться в общем помещении неудобно, и, собственно, для людей низшего класса. В общих комнатах для людей низшего класса недопустимы общие нары для спящих,

поскольку неизвестные больные люди, лежащие близко к другим, легко через дыхание могут заразить здоровых.

В комнатах и дворах должна быть постоянная опрятность и чистота, на что становые приставы во время поездок по делам службы обязаны обращать внимание. Все блюда должны быть приготовлены из качественных и свежих продуктов, а напитки должны быть хорошего качества и без примесей. Все продукты и фураж на постоялых дворах должны продаваться в соответствии с установленными законом мерами и весами. Обвес и обмер категорически запрещен.

Содержателям постоялых дворов также следует наблюдать за тишиной и порядком в заведениях, защищать своих постояльцев, предупреждать возможные ссоры, споры, распри и недоразумения, которые могут привести к обидам и конфликтам. Если же содержанию не удастся погасить конфликт, который перерастает в драку и беспорядки, необходимо немедленно докладывать полиции, которая должна своевременно принять меры для их прекращения [1, л. 5–78].

Содержатели обязаны иметь надежные запоры и замки на воротах, калитках и всех комнатах, ключи от ворот, калитки и общих столовой и гостиной комнат хранить у себя. Ключи от комнат отдавать постояльцам, если в комнате размещена одна семья или один человек. Если же несколько, то ключи должны быть у содержания, отвечающего за сохранность имущества. Содержание обязаны поручить прислуге внутренний и внешний надзор за имуществом с целью недопущения воровства. Однако и постояльцы должны бдительно наблюдать за своим имуществом, не полагаясь на содержание и его прислугу. Предлагалось даже, чтобы постояльцы из своего числа или своей прислуги отряжали сторожей к имуществу, оставленному на постоялом дворе и комнатах, чтобы такая стража в случае подозрения в похищении немедленно давала знать полиции. Ворота должны были быть всегда запорты, особенно в ночное время [1, л. 19–38].

Особо оговаривался порядок хранения оставленных на постоялом дворе вещей и денег. Это касалось разных случаев: срочного выезда постояльца, невозможности дальнейшего следования извозчика с товаром, когда он вынужден оставить его на постоялом дворе, оставленного имущества по договоренности, забытых вещей. Ответственность за сохранение в целости имущества приезжающих и приходящих возлагалась на содержание, что должно было быть объявлено и зафиксировано при открытии заведения. Если утраты имущества имели бы место неоднократно, то следовало лишение прав содержания таких заведений. Конечно, все принималось по мере и весу, запечатывалось, составлялся реестр и определялась стоимость. Ялтинский земский суд предлагал за невежливое и невнимательное отношение к постояльцам и их имуществу подвергать содержание штрафом от 25 до 50 рублей и возмещению всех убытков. Взыскание производилось порядком административным, а за утрату принятых на хранение вещей, равно как и за утайку, судить как за воровство.

Порой постояльцы не могли рассчитаться вовремя за постой и стол. В этом случае предлагалось выдавать содержанию расписку, засвидетельствованную местной полицией. Так же следовало поступать, если содержание ссужал постояльца деньгами под залог или без него. И в первом, и во втором случае такая

расписка, предъявленная ко взысканию, должна была иметь полную силу бесспорного заемного обязательства с обязательными полицейскими мерами, соответствующими таким обстоятельствам.

В сельских управлениях и городских думах предлагалось завести особые книги для записи жалоб проезжающих, меры по которым должны приниматься незамедлительно. По мнению ялтинского земского суда, такие книги следует выдавать в земском суде в начале каждого года. В этих книгах проезжающие могли бы записывать все жалобы на содержателей, которые о каждой жалобе обязаны доложить немедленно земскому суду, а за невыполнение этого лишать их права содержать постоялый двор. [1, л. 42–50]

Впрочем, по мнению бахчисарайской полиции, обязанности содержателей постоялых дворов и корчем сводятся к тому, чтобы предоставить, по возможности, спокойное, чистое и удобное помещение для проезжающих, проходящих и их лошадей, здоровую и свежую пищу. Если содержатели не станут исполнять свои обязанности, то проезжающие и проходящие просто перестанут посещать их. Это был, пожалуй, самый либеральный взгляд на отрасль, которую власти только собирались «зарегулировать».

Особое внимание уделялось соблюдению паспортного режима. Здесь не могло быть компромиссов. Общее мнение заключалось в том, что на постоялые дворы не могли быть приняты люди без документов, в случае отсутствия которых содержатель должен был немедленно сообщать в полицию. Впрочем, в полицию необходимо было сообщать обо всех постояльцах, вести особую книгу регистрации, где указывалось бы время прибытия и отъезда постояльцев. Нарушение этих требований должно было повлечь за собой штрафы, а в случае неоднократного повторения – запрещение содержания постоялого двора.

Надзор за содержанием постоялых дворов и корчем предлагалось возложить как на специальных чиновников, так и на полицию. И только по мнению бахчисарайской полиции: «Полная свобода открывать эти заведения и соперничество составляют лучший надзор. За содержателями их никакой внешний надзор не достиг бы своей цели, потому что если бы содержатели захотели недобросовестно исполнять свои обязанности, то хотя бы для надзора за ними был приставлен особый чиновник, по причине многосложности и обширности возложенных на полицию обязанностей, то и тогда бы невозможно было бы ручаться, что они добросовестно исполняют свои обязанности».

Взыскания и штрафы предлагались самые разнообразные – вплоть до закрытия заведения и конфискации имущества. Однако примечательно, что половину этих сумм следовало передавать Приказу общественного призрения.

Вопрос о порядке передачи и наследования постоялых дворов и корчем не был понят, что отразилось и в несколько сумбурных ответах, и в преобладающем мнении об отсутствии необходимости в каком-то особом для этих заведений порядке [1, л. 5–85].

25 Июля 1861 г. было опубликовано Высочайше утвержденное «Положение о трактирных заведениях, постоялых дворах и съестных лавочках в городских поселениях (в столицах; в городах: губернских, портовых, уездных, безуездных и

заштатных, а также в посадах и местечках)» от 4 июля 1861 г. [2] Подход оказался довольно либеральным. Содержать постоянные дворы дозволялось всем лицам, имеющим право торговли в городах. Необходимо было лишь получить соответствующее свидетельство от Думы и оплатить акцизный сбор, определяемый городским обществом ежегодно. За пределами городов не нужно было и этого: открыть постоянный двор мог кто угодно, платить акциз за это было не нужно. Следить за порядком и за тем, чтобы постоянные дворы не превращались в трактиры, для которых действовали уже несколько иные правила, должна была полиция. Правила не распространялись на гостиницы при почтовых дворах, которые оставались в ведении Почтового управления.

Выводы. Такой своеобразный опрос общественного мнения по проблеме открытия и содержания постоянных дворов интересен не только сам по себе, в условиях едва начавшейся эпохи либеральных реформ, но главным образом как характеристика общественного видения, широкого спектра мнений о различных сторонах деятельности целой отрасли местной экономики. В них нашли отражение консервативный и либеральный подходы, видение перспективы и страх перед переменами, попытки урегулировать, подчинив правилам все и вся, и вера в безупречность свободного рынка. Устройство постоянных дворов, существующее и желаемое, проблемы в этой многовековой, но быстро меняющейся сфере гостеприимства хорошо видны в предложениях и пожеланиях местных властей, судов и полиции, основанных, конечно, не только на собственных умозаключениях, но и на мнении «общества», которое имело в этот период особое значение. Комфорт постояльцев, соответствующий, конечно, эпохе и категории заведений, необходимые условия для средств передвижения, сохранность имущества и личная безопасность, контроль продаж и употребления спиртных напитков и табака, обеспечение паспортного режима и роль проверяющих организаций, коих в те времена было существенно меньше, чем сегодня, – все это не только хорошо знакомо сегодняшним отельерам, но, вероятно, никогда не потеряет своей актуальности.

Список использованных источников и литературы

1. Государственный архив Республики Крым (Далее – ГАРК). Ф. 27. Оп. 1. Д. 6831. Л. 1. State archive by Republic of Crimea (GARK), F. 27, Op. 1, D. 6831, L. 1.
2. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). № 37198. 4 июля 1861 г. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI). № 37198. 4 July 1861.
3. Баньковская А. К., Малик Т. В. Исторические предпосылки возникновения и развития интерьеров заведений гостеприимства в Украине с учетом традиционных особенностей // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. № 10(29): сборник статей по материалам XXIX международной научно-практической конференции. Новосибирск: Изд. СибАК. 2013. С. 128–141.
Ban'kovskaja A. K., Malik T. V. Istoricheskie predposylki vzniknovenija i razvitija inter'erov zavedenij gostepriimstva v Ukraine s uchetom tradicionnyh osobennostej. V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedenija i kul'turologii. № 10(29): sbornik statej po materialam XXIX mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Novosibirsk: Izd.SibAK. 2013. S. 128–141.
4. Бойко В. П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в. Очерки социальной, отраслевой и ментальной истории: монография / В. П. Бойко / под. ред. В. П. Зиновьева. Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та. 2009. 308 с.

Bojko V. P. Kupechestvo Zapadnoj Sibiri v konce XVIII – XIX v. Oчерki social'noj, otraslevoj i mental'noj istorii: monografija . V. P.Bojko. Pod. red. V. P.Zinov'eva. Tomsk:Izd-vo Tom.gos.arhit.-stroit.un-ta. 2009. 308 S.

5. Дегтярев С. О. Гостиничное дело в дореволюционной Москве (1861–1914 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Москва. 2015.

Degtjarev S. O. Gostinichnoe delo v dorevoljucionnoj Moskve (1861–1914 gg.): diss. ... kand. ist. nauk. Moskva. 2015.

6. Серова Е. Д. Заведения трактирного промысла Крыма во второй половине XIX века // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2011. Т. 24(63), № 2. С. 111–121.

Serova E. D. Zavedenija traktirnogo promysla Kryma vo vtoroj polovine XIX v. Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I.Vernadskogo. Serija «Istoricheskie nauki». 2011. T. 24(63), №2. S.111 – 121.

7. Чернов В. А. Становление гостиничного дела на Дальнем Востоке (вторая половина XIX – начало XX вв.): дисс. ... канд. истор. наук. Хабаровск. 2012.

Chernov V. A. Stanovlenie gostinichnogo dela na Dal'nem Vostoke (vtoraja polovina XIX – nachalo XX vv.): diss. ... kand. istor. nauk. Habarovsk. 2012.

8. Чернов В. А. Гостиничная отрасль Хабаровска (1858–1918): монография. Хабаровск. 2009. 87 с.

Chernov V. A. Gostinichnaja otrasl' Habarovska (1858–1918): monografija. Habarovsk. 2009. 87 s.

Martsinovskii P. N. Hostelry and time of change: local authorities of Tavricheskaya province and new standing order about taverns (1859–1860)

The article is devoted to the analysis of the judgments and proposals of the city police departments, zemstvo courts, local authorities of the Tavricheskaya Gubernia in connection with the need to adopt a new Regulation on tavern establishments, inns and edibles in urban settlements. The above considerations reflect the whole range of local ideas about the socio-economic, administrative, national, class, technical, hygienic and legal conditions for the functioning of inns on the peninsula based not only on one's own conclusions, but also on the opinion of «society». It was concluded that, despite the prevailing readiness of local authorities to tightly regulate this activity, the resulting provision was liberal enough and opened up ample opportunities for the development of a network of inns.

The beginning of the 60's. XIX century in Russia, of course, the time of change. This applies even more to the Crimea, which not only suffered from the Crimean (Eastern) war of 1853–1856, but also revealed new opportunities for economic development, albeit gradually, connected with geographical, climatic and other peculiarities that allowed the guests of the peninsula to attract visitors not only for business purposes, but also with resorts. The adoption of new legislation related to the services of travelers is becoming an important stage in the development of this branch of the economy.

One of the reasons for the insufficient study of the problem is the high labor intensity of working with sources related to economic problems in past, the lack of sufficient information suitable for systematization over more or less long periods, its fragmentary and dispersed in a significant number of archival funds, in this connection, the real success is the identification of a holistic array of documents that make it possible to study, at least, certain plots in the history of development of one or another leaving an economic complex, with which, in this case, we are dealing with. The history of this important branch of the economy in the Crimea is still waiting for its researcher, but it seems important not only how the institutions that hosted guests used to work, but how, according to local authorities and officials, they had to carry out their activities.

The purpose of the article is to present and analyze the various points of view and considerations presented at the request of the Tauride Governor, from local police stations, Zemstvo courts and local authorities on various aspects of the functioning of inns for the relevant report to the Ministry of Internal Affairs, in connection with the need to adopt a new Regulation tavern establishments, inns and food shops in urban settlements.

This kind of public opinion poll on the problem of opening and maintaining inns is interesting not only on its own, in the conditions of the scarcely begun era of liberal reforms, but mainly as a characteristic of the public vision, a wide range of opinions on various aspects of the activity of the whole branch of the local

*ПОСТОЯЛЫЕ ДВОРЫ И ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН: МЕСТНЫЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ
ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ И НОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
О ТРАКТИРНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ (1859–1860)*

---

economy. They reflect a conservative and liberal approach, a vision of the future and fear of change, attempts to resolve, subordinating everything to everything, and believing in the integrity of the free market.

The arrangement of inns, existing and desired, problems in this centuries-old but rapidly changing sphere of hospitality are clearly visible in the proposals and wishes of local authorities, courts and police, based, of course, not only on one's own conclusions, but also on the opinion of local «society» which acquired special significance in this period. The comfort of the guests, corresponding, of course, to the era and category of institutions, the necessary conditions for vehicles, the safety of property and personal safety, the control of sales and consumption of alcoholic beverages and tobacco, the provision of a passport regime and the role of audit organizations, which in those days was significantly less than today – all this is not only well familiar to today's hoteliers, but, probably, will never lose its relevance.

Keywords: Crimea, inn, hostelry, custodian, police, court.